

Встречи по вашей просьбе

«СЧАСТЬЕ — КОГДА УПОЕНИЕ В РАБОТЕ»

Олег Вавилов — актер Московского театра на Малой Бронной. Когда театр летом прошедшим гастролировал в нашем городе, интерес к его постановкам сказался не только в переполненных зрительных залах, но и в откликах, читательских письмах в редакцию, в их просьбах познакомиться поближе с творчеством полюбившихся актеров, с их мыслями о месте искусства в нашей жизни.

Больше всего вопросов было к Олегу Вавилову, показавшему нам лучшую и сложнейшую свою работу — Лунин в спектакле «Лунин, или Смерть Жака...» по пьесе Э. Радзинского. Тогда я рассказала Олегу Михайловичу об этих письмах, но мы условились, что материал буду делать только после того, как посмотрю актера и в других ролях на сцене московского театра...

На мой взгляд, беседа с ним, его помыслы, ощущения, творческие устремления и задачи, которые он перед собой ставит как гражданин и актер, интересны прежде всего молодежи. Сам он еще молод, и недаром же чаще всего спрашивают его те, кто готовится вступить на жизненную трудовую дорогу, как стать актером.

— Я не буду оригинален, если скажу, что одного желания для этого мало. Скорее, речь должна идти о внутренней потребности, а может, внутренней, душевной готовности к этому шагу — несмотря на юный возраст, скажем. Да так в любой профессии: к семнадцати годам люди в основном определяются — один идет учиться в педагоги, другой — в инженеры. Бывают, конечно, прерывности, но чаще всего человек верен раз избранному делу. Что касается меня, то не скажу, что со школьной скамьи мечтал об актерской стезе. Жил с родителями далеко от театральных центров, в Средней Азии, и думал скорее, что буду поступать в медицинский или педагогический. Но... сделал решительный шаг, псехал за тысячу верст в Москву, поступил в ГИТИС.

— Ваша мальчишеская решимость сразу же смогла опереться на что-то надежное?

— Да конечно! Прекрасные педагоги, наставники и среди них первый — профессор Мария Николаевна Орлова выпустившая многие национальные студии, успешно работающие ныне в Чувашии, Литве, в других местах. Любимого учителя всегда воспринимаем мы как личность самую тонкую, понимающую, талантливую, целеустремленную как человека бесконечно строгого и бесконечно доброго. Своеобразный этот нравственный ориентир помогает и потом, на самостоятельной дороге, тверже стоять на ноги. По распределению я поехал в Казань и очень боялся не столько нового, чужого города, сколько встречи с теми людьми, с которыми предстояло начать новую жизнь. Начало ведь очень важно!..

— И с чего вы начинали как актер? Наверное, ведь это запомнилось.

— Если отсчитывать от диплома, то с Кочкарева в гоголевской «Женитьбе». Я ведь «проходил» по институту как лирический герой, а тут получалось что заметили во мне характерность. Эта дипломная работа запомнилась — первая серьезная встреча с классикой! — и воодушевила. А в Казанском Большом драматическом театре играл главные роли в спектаклях «Валентин и Валентина», «Затюканный апостол» (Мальш) «Забывать Герострата...». Потом пригласили в Московский ГЮЗ и поручили роль, которая приводила меня в восторг. —

д' Артаньян в «Трех мушкетерах». Вот образ вечной душевной молодости, романтики, беззаветной храбрости и человеколюбия!

«Круг замкнулся» на театре на Малой Бронной, любимом со студенческой скамьи, с любимыми спектаклями «Три сестры», «Брат Алеша», от которых буквально заболел.

Ставили «Лунина...». Была своего рода проба, как в кино. Многие претенденты на главную роль отказались. Он рискнул, хотя понимал, как трудно сделать то, что ему предложили, очень и очень трудно. Речь не только об обилии текста и о «возрастной роли», которые, кстати, ему поручают довольно часто («От высокого роста, что ли», — шутит актер). Речь о сложности ответственной те-

холодным сердцем «Дядю Ваню»? Надо иметь желание и готовность понять «Трех сестер»! Понять и принять их душевные страдания.

Что касается любимой темы, то это, как говорится, гамлетовский вопрос — быть или не быть. Тянешься, естественно, к высокой драматургии, к тем героям, которые тебя волнуют. Для меня это прежде всего Достоевский, Чехов.

Волнует и всегда будет волновать военная тема. Я сыграл, например, лейтенанта Володьку в пьесе «Отпуск по ранению» Кондратьева. Лейтенант для меня — воплощение Долга. Весной сорок второго пришедший в отпуск после страшной битвы под Ржевом, он не может с прежней меркой воспринимать спокойствие — как ему

мы, о значительности идей, которые несет в себе трагический образ декабриста, его судьба.

— Лунин — это как огромный глоток свежего воздуха! Глотнул и испугался — а вдруг тебя разорвет, не сможешь выдохнуть. И все же в работе с драматургом и с режиссером Владимиром Дунаевым нам удалось найти точки соприкосновения. Была у меня своя мера оценки, и было рвение: если я актер, профессионал, я должен понять, преодолеть материал. Не всегда этот спектакль идет на высокой ноте, которая ему необходима. Но когда контакт с залом возникает. — дух захватывает! Зрители на каждом спектакле разные, и важно поймать хотя бы несколько понимающих взглядов заинтересованных глаз. Уже ради них стоит работать, отдать себя до конца!

— Зритель сейчас не очень любит признаваться, что идет в театр за тем, чтобы что-то лучше понять, в чем-то разобраться, больше узнать. И все же актерам на сцене давно вести за собой людей. Вы как актер ставите перед собой задачу что-то конкретное сказать в зал? Речь, наверное, о вашей теме...

— В принципе, мы ведь не проповеди читаем со сцены, да и зрители нынче не меньше нас знают читают. Каждый по-своему воспринимает. Это так. Отталкиваясь от самого себя, опираясь на свою способность к ассоциациям. Конечно могут быть разные взгляды на вещи, но ведь социально-нравственные основы в нас общие. Спенсеровский образ вызвал у зрителя какой-то вопрос, заставил задуматься — уже хорошо. Ответа же исчерпывающего дать невозможно. Тем более, жизнь идет, постоянно меняется и ассоциативный ряд. И мне кажется не всегда плодотворно ставить точку. Не лучше ли иногда оставлять многоточие?

В зрителе страшит не столько непонимание — сказать: понимай так! — этого мало. — сколько равнодушные. Можно ли смотреть с

представляется! — тыловой жизни. Ему, вышедшему из пекла, кажется несправедливым то, что там — гибель, смерть, а здесь живут, обсуждают свои дела, даже улыбаются. Отклик на эту мою работу — взволнованные письма о кровной близости лейтенанта, воспоминания об убитом отце, муже, которые присылают мне зрители.

Анатолий Эфрос поставил «Три сестры» Чехова, где Вавилов сыграл Вершинина. Спектакль спорный и не вызвал особого энтузиазма у критики, зрителей. Режиссер рассчитывал на молодых актеров адресовал спектакль молодым зрителям, хотел рассказать в нем о молодых.

— Он хотел сказать: и мы были молодыми и мы мечтали, и мы мучились вопросами непостоянства. Запомните нас такими. И поймите. Наверное, мы, молодые актеры, еще не доросли до Чехова. Не дотянулись и до режиссера, до его творческих принципов, психологизма, анализа — интеллектуального и тонкого.

Однако, мне кажется, Вавилову с его природной интеллигентностью, душевной тонкостью, способностью окрасить образ в мягкие пастельные тона и оттенки, с его неравнодушием, расположением к людям в конце концов удастся приблизиться к Чехову. Вспомните, как проникновенно, взволнованно сыграл он в «Воспоминании» по пьесе Арбузова, спектакле, откровенно исполненном чеховского настроения! Или Ракитина в «Месяце в деревне» Тургенева. Тут важно, чтобы был именно его материал, он из таких актеров. Чтоб было упоение в роли, чтоб полет души! Недаром кумиры его — Жерар Филип, Евгений Урбанский...

И на вопрос, что помогает ему в жизни ощущать себя счастливым, он воскликнул: «Любимое дело! Работа нужна — постоянная, сложная, увлекающая не дающая со спокойным сердцем «раскинуться в кресле».

Г. СЕЛИВЕРСТОВА,
Фото В. ШОХИНА.